

Иван Лук

ПОД
ЗАМКОМ

Под замком или под замко́м?

Иногда разница — только в ударении.
А иногда — во всей твоей жизни.

Иван Лик

Под замком

«Автор»

2026

Лик И.

Под замком / И. Лик — «Автор», 2026

Под замком всегда должно что-то быть. Кнаф знает это с детства. Под древним замком находится лабиринт, а в его глубине — зло, которое когда-нибудь попытается вырваться наружу. Так говорят легенды. Так учат рыцарей. Так было всегда. Посвятивший себя охране древнего лабиринта. Он верит, что защищает мир от заключённого под замком зла. Но встреча с ведьмой Фарией заставляет его покинуть привычный мир и отправиться навстречу тайне, которую столетиями скрывали.

© Лик И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Иван Лик

Под замком

Глава 1

В подвалах замка не было ветра.

И всё же пламя в железной чаше перед двумя рыцарями время от времени пригибалось к земле, будто кто-то невидимый проходил мимо.

Старший рыцарь поднял голову.

Пламя снова дрогнуло.

— Видел?

— Что? — молодой даже не открыл глаз.

— Огонь.

— Он для этого и нужен. Чтобы гореть.

Старик некоторое время смотрел на него, потом медленно усмехнулся.

— Кнаф, ты молод, а бурчишь как старик.

— А что мне ещё делать? Волноваться?

Молодой рыцарь сидел, прислонившись спиной к холодной каменной стене. Шлем лежал рядом, меч оставался в ножнах. Между колен он держал короткий железный кол — тёмный, почти чёрный, с вырезанными вдоль рунами. Кол был тяжелее, чем выглядел.

— Именно, — ответил старший.

— А из-за чего мне волноваться?

Старик посмотрел на него.

Перед тем как ответить, он поправил перчатку на левой руке. Движение было привычным, почти машинальным. Под кожей перчатки не хватало двух пальцев.

Молодой заметил это ещё в первый час их дежурства, но спрашивать не стал.

— Ты действительно ничего не знаешь о том, где находишься?

— Знаю

— Тогда расскажи.

Молодой нехотя открыл глаза.

— Мы под замком. Сидим в подвале и ждём приказа подняться.

Старик вздохнул.

— Это всё, что ты знаешь?

Подземелье вокруг них уходило в темноту. Это был необычный замковый подвал. Здесь не было ни винных бочек, ни кладовых, ни старых сундуков. Каменные стены уходили в стороны, образуя десятки коридоров, лестниц, тупиков и небольших залов. Одни проходы спускались ниже. Другие внезапно заканчивались каменной стеной. Третьи снова выводили в знакомое место, хотя казалось, что шли совсем в другую сторону. Под замком лежал настоящий лабиринт.

— Это место, — начал Бодайбо, — было создано много веков назад. Это печать, за которой сокрыто зло. И наша задача — не дать ему вырваться. Тени каждый год рвутся наружу. То там, то здесь начинают открываться порталы, а наша задача — очертить проявляющиеся ходы на стенах этим, — он указал на кол в руках юноши.

— Да, да. Древнее зло. Замок, печать, что его удерживает, — Кнаф тяжело вздохнул. — Каждый год — одно и то же. Хранители считают дату. Звёзды, луны, старые записи. А потом присылают сюда нас.

— Чем ты недоволен? На тебе сейчас великая ответственность — хранить жизнь и мир на земле.

— На мне? — возмутился юноша. — Нас тут сотня, в этом подвале. В каждом зале сидим, в каждой комнатке, по коридорам... Вон, слышишь? Кто-то ходит.

Из коридора действительно раздавались размеренные шаги.

— И мы сидим. И мы ждём. Чего? — Кнаф скривился.

Старик взял свой кол и провёл пальцем по одной из рун.

— Когда приходит нужный день, лабиринт начинает меняться. Иногда открывается один проход. Иногда — десять. Иногда разом по всему подземелью. Там, где была стена, появляется дверь. Там, где был камень, возникает разлом, — он говорил спокойно.

— Ты так спокойно говоришь о предполагаемом конце света... Не потому ли, что он не наступает и никак не наступит?

Бодайбо сердито посмотрел на юношу.

— Знаешь, что смешно? — продолжил Кнаф. — За девятнадцать лет ни одного демона никто не увидел.

— Тебе девятнадцать?

— Да, — Кнаф откинул голову на стену.

— За всю мою жизнь печать ни разу не прорвалась, и я каждый день радуюсь, что люди и магия сдерживают зло за пределами нашего мира. Иначе, — Бодайбо пригладил пышную бороду, — наша жизнь сильно изменилась бы. Если бы вообще ещё существовала.

— За последние три года моего дежурства здесь — ничего не произошло. Нас вечно пугают, что зло может вырваться. Настраивают, чтобы не дрогнула рука, — Кнаф очертил колом круг перед собой и усмехнулся. — Только ничего не происходит.

Старик смотрел на него молча.

— Я сначала верил, — продолжил молодой. — В замок. В орден. В то, что всё это зачем-то нужно. На учёбе я был лучшим на курсе — меч, тактика, верховая езда. Мне говорили, что из меня выйдет отличный рыцарь, — он потёр глаза, — а теперь я вырос — и понял, что это всё бессмысленно.

— Как это? — у Бодайбо глаза округлились, и раздался негромкий, краткий треск.

— Ты что? Ветры пустил? Хочешь, чтобы мы ещё и задохнулись здесь? — Кнаф вскочил и сел у противоположной стены, подальше от старика.

— Как это — бессмысленно? — повторил Бодайбо, на этот раз твёрже.

— Никто никогда не видел этого зла. С самого детства я у всех спрашивал — и везде один ответ: «Нет». Ни демонов, ни порталов, ни теней, сводящих с ума — только истории в книжках с картинками.

— А ты не думал, что именно потому, что никто не видит, печать работает? Что мы — и есть та сила, что не даёт ей сломаться?

— Я думаю о другом. — Кнаф подкинул кол в руке. — Например, о том, что лучше поспать или пойти повеселиться, чем сидеть здесь и ждать неведомо чего, лишь бы предотвратить то, чего, возможно, и не случится.

— Когда всё это закончится, я подам жалобу, чтобы тебя больше даже близко к замку не подпускали. — Бодайбо вспыхнул.

Снова раздался треск — чуть громче, на этот раз с лёгким вибрирующим отзвуком.

— Оу, — Кнаф замахал ладонью перед носом. — Ты главное не перетруждайся. Только жалобу не забудь подать — я с удовольствием пропущу следующий год в этом подвале.

Треск раздался ещё громче — протяжнее, будто древний механизм просыпался под полом.

— Бодайбо, если тебе нужно отойти — так и скажи. Я тут и за двоих посижу. Всё равно делать нечего.

— Это не я. — Старик медленно поднялся и оглядел табурет, на котором сидел. Дерево было крепким, неповреждённым.

— Если что — ты говори, — Кнаф устроился поудобнее, прислонился к стене и, откинув голову, закрыл глаза. — А я пока вздремну.

Бодайбо лишь покачал головой. Он снова посмотрел в темноту коридора, откуда доносились шаги. Но теперь шаги смолкли.

Именно в этот момент раздался треск — громкий, резкий, будто камень лопнул под ногами. Старик замер. Молодой резко открыл глаза.

По полу между ними медленно побежала тонкая трещина — и вдруг из неё полезло тусклое зелёное свечение, будто из глубины земли просачивалась чужая кровь.

Бодайбо уже сжимал кол в руке, не отрывая взгляда от трещины. Она расширялась. Изнутри донёсся нечеловеческий шёпот — тихий, множественный, как будто сотни голосов шептались разом на языке, которого никто из них не знал.

Старик метнулся вперёд. Кол в его руке вспыхнул рунами. Он очертил трещину, словно мечом, резко, точно — и та сомкнулась, будто её и не было. Лишь на полу остались светящиеся линии, мерцающие, как угли после пожара.

— Э-это... оно? Это всё? — запинаясь, выдавил Кнаф, не в силах отвести взгляд от следов на камне.

— Не знаю, — ответил Бодайбо, сам ещё не осознавая, что только что произошло. — Я... первый раз с этим столкнулся.

Из коридора донеслись крики — резкие, перепуганные. Кнаф схватил свой кол, вскочил, судорожно сжимая его двумя руками, и прижал к груди, будто щит.

— Я пойду посмотрю. Вдруг нужна помощь!

Бодайбо кивнул, не отводя глаз от начертанных им линий. А в тишине, оставшейся после криков, снова стало слышно — где-то глубоко внизу, за стенами лабиринта, что-то постукивало.

Кнаф сорвался с места. Его сапоги гулко отбивали ритм по влажному камню, и эхо размножалось в лабиринте узких проходов, уходящих в темноту. Воздух пах железом и огнём. Единственный свет — огненные чаши, вмурованные в стены через каждые десять шагов. Каждая отбрасывала на грубые каменные стены тени, похожие на корчащиеся руки.

На поворотах он сталкивался с другими рыцарями — все суетились, нервничали, сжимая в руках магические колья, покрытые рунами. Некоторые шептали молитвы, другие просто тыкали колами в воздух, будто сами не верили в то, что делают.

Кнаф промчался через просторный зал, влетел в узкий коридор и остановился перед группой рыцарей, уже на грани паники.

— Дай я! Дай я! — кричали они наперебой.

— Ты не так делаешь — дай мне попробовать!

Кнаф сразу понял, в чём дело. Он уже слышал этот треск. Портал открывается — и они не могут его закрыть.

Он крепче сжал свой кол и выкрикнул:

— Пустите меня! Мы только что закрыли один портал!

Рыцари, словно единый организм, расступились, пропуская его вперёд.

Кнаф подошёл ближе. Перед ним зияла трещина — уже размером со щит. Зелёное сияние пульсировало, будто дышало. Он суетливо, дрожащей рукой очертил её колом, повторяя ритуал, описанный в манускриптах. Свечение на миг ослабло, моргнуло синевой — и снова начало расти.

— Да почему не получается? — вырвалось у него.

И тут он увидел: вся стена вокруг трещины была исчерчена перекрещенными линиями, как шрамами. Он далеко не первый, кто пытался это остановить.

— Это мы уже делали, — раздался хриплый голос, и его резко оттолкнули в сторону.

— Давайте попробуем вместе! Очертим одновременно! — предложил кто-то.

— Где эти ведьмы, когда они так нужны! — выкрикнул другой.

Кнаф не стал ждать.

«Нужна помощь», — мелькнуло в голове.

И он бросился к выходу из подвала.

Вокруг замка стояли несколько хижин — там жили ведьмы. Он сам с ними не встречался, но расположение домов знать был обязан — на случай, если зло всё-таки вырвется.

Теперь этот случай настал.

Глава 2

Пока он мчался к лестнице, он видел ещё несколько зелёных трещин. Но те закрывались легко — рыцари справлялись. Только одна, в дальнем зале, росла, как заноза, которую никак не удаётся вытащить.

Поднявшись на первый этаж, Кнаф, задыхаясь, ворвался в зал, уставленный столами. На них лежали книги, магические колья, исписанные листы с изображением трещин, рун и существ, которые, казалось, вот-вот выползут из потрескавшихся стен.

Он метнулся к ближайшему столу, начал лихорадочно перебирать стопки бумаг, сбрасывая листы на пол.

— Должен быть способ... Должен, — бормотал он, вглядываясь в неразборчивые каракули, в кривые рисунки существ, чьи силуэты будто проступали сквозь бумагу, как будто они уже были здесь, по эту сторону.

В этот момент из тени у дальней стены раздался смешок — не тихий, не сдержанный, а нарочито громкий, будто специально рассчитанный на то, чтобы заставить вздрогнуть.

— О-о-о, какая драма, — протянула девушка, выплывая из полумрака с ленивой грацией, не вязавшейся с её строгим тёмным одеянием. Её поза была расслабленной, почти небрежной, но в глазах плясал тот самый огонь, что бывает у тех, кто обожает смотреть, как мир горит. — Ты так стараешься, будто от этого зависит судьба вселенной.

Кнаф резко обернулся.

Перед ним стояла она — в чёрном наряде с тонкой вышивкой, напоминающей древние руны, в грубых кожаных ботинках. Выбритый висок и туго стянутый пучок придавали лицу хищную чёткость, а лёгкая ухмылка — ту самую безуминку, от которой становилось не по себе.

— Ты кто? Ведьма? — спросил он не столько голосом, сколько вздохом. Скорее взмолился.

Девушка кивнула.

— Моё имя — Фария.

— Фария, — выдохнул Кнаф, хватаясь за край стола, будто пытаюсь удержаться на краю пропасти. — Портал в подвале... Он расширяется. Колья его не закрывают. Мы должны его закрыть.

— Мы? — Она приподняла бровь, медленно обходя стол и проводя пальцем по краю одного из колеев, будто проверяя его остроту. — Какое тёплое слово. «Мы». Мне нравится. Но знаешь, что мне нравится ещё больше? Сделки. Особенно когда на кону — всё.

Она остановилась напротив него, наклонив голову так, что тень легла на половину лица, оставив вторую ярко освещённой.

— Ты хочешь закрыть портал? — прошептала она, и в этом шёпоте прозвучало предвкушение. — А я хочу чувствовать твоё тепло.

Кнаф побледнел от неожиданности.

Он протянул руку — не для рукопожатия, а как бы отдавая себя. Говорил уже не с паникой, а с заторможенной решимостью:

— Вот. Чувствуй.

Фария рассмеялась.

— Нет, нет, нет, — покачала она пальцем перед его лицом, — не так. Я хочу чувствовать постоянно. Снова и снова — твоё тепло, когда ты будешь исполнять мои прихоти. Когда будешь приходить по первому зову. Когда будешь делать то, что клялся не делать.

— Это невозможно, — выдавил он. — Я — рыцарь печати. Я охраняю мир от зла. К тому же на меня уже готовят жалобу. Меня переведут отсюда.

— Невозможно? — Фария рассмеялась, и смех её эхом покотился по залу. — О, как скучно звучит это слово. Я его терпеть не могу. Хочешь, чтобы я помогла, — начни исполнять мои желания. А нет... — она пожала плечами, разводя руки в стороны, будто приглашая полюбоваться грядущим, — вы все станете очень интересными историями для тех, кто скоро придёт.

Она сделала шаг ближе. Её голос стал тише, но от этого — только страшнее:

— Ну же. Мир ждёт. Или... не ждёт?

Кнаф остался стоять с протянутой рукой. Но теперь она дрожала.

— А может, — снова заговорила ведьма, — ты сам этого хочешь? Не будет жалобы. Не будет перевода. Не будет рыцарства... И не будет тебя.

Он сжал кулаки, переводя взгляд с Фарии на бумаги, будто надеясь найти там ответ, который не требовал бы такой цены. Но ответа не было. Только безумие в её глазах. И тишина, в которой он уже слышал треск из-под земли — всё ближе, всё громче. Как будто что-то поднималось.

— Ладно, ладно, — вырвалось у Кнафа. — Я готов пожертвовать своей свободой ради спасения мира!

Фария рассмеялась — не злорадно, а с лёгкой насмешкой, будто он только что сказал нечто трогательно наивное.

— Как будто раньше ты был свободен, — её голос звучал почти ласково. — В замке, что держит силы зла... ты здесь не человек. Ты — часть механизма. Деталь замка на двери. — Она улыбнулась и протянула руки. — Я хочу обнимашек.

Кнаф выдохнул.

На миг он замер — будто решал, не шаг ли это в бездну. Потом шагнул вперёд.

Фария словно растаяла в его объятиях. Её голова легла на его плечо, тонкие пальцы нежно легли ему на спину.

И вдруг — жгучая боль. Сквозь рубаху, кожаную куртку, даже сквозь металлические пластины доспеха. Он вскрикнул, резко оттолкнув её.

— Что ты сделала?!

На спине, под слоями одежды и брони, пахло палёной кожей. Он не видел ожога, но чувствовал — что-то впиталось в него. Что-то чужое.

Фария смотрела с лёгкой улыбкой, почти с нежностью.

— Почувствовала твоё тепло, — удовлетворённо произнесла она, поднимаясь и садясь на край стола. Книги с грохотом посыпались на пол. — Теперь ты мой.

Кнаф сжал кулаки. Дышал тяжело, но в глазах уже не было страха — только холодная ярость.

— Я тоже твоё почувствовал, — медленно сказал он, глядя ей прямо в глаза. — Твоё тепло... Мне не понравилось.

Он развернулся и направился к лестнице в подвал.

— Пойдём скорее. Портал не закрывается. Ты обещала помочь.

Фария не двинулась с места.

— Моя наставница спустилась десять минут назад. Она со всем разберётся.

Кнаф остановился как вкопанный.

— Ты... меня обманула?

— Вовсе нет, — она лениво болтала ногами, лёжа на столе, будто отдыхала после долгого дня. — Можешь спуститься и убедиться сам.

Он рванул к лестнице, но она не спешила за ним.

— Проблема решена, — добавила она, подняв голову и глядя ему вслед. — А ты... Ты теперь мой.

Глава 3

Кнаф, охваченный паникой, рванул к лестнице, ведущей в подвал. Перед глазами мелькали ступени, теряющиеся во тьме, как вдруг из боковой ниши — будто прямо из стены — выступила фигура.

— Эй, щенок, смотри, куда летишь, — тихий голос с хрипотцой ударил по ушам, как раскат грома в тесной пещере. — Ещё шаг — и я бы тебя не ругала. Я бы закопала.

Кнаф замер, едва не врезавшись в неё.

Перед ним стояла женщина, чья сила, казалось, не уместилась в худеньком теле. На голове — платок тёплых красно-фиолетовых оттенков, покрытый цветочными узорами. Кожа, испещрённая глубокими морщинами, напоминала кору старого дуба — шершавую, живую, пронизанную временем. На запястье тускло поблёскивал тяжёлый латунный браслет — такой, что мог бы служить оружием сам по себе. В пальцах она держала длинную трубку из тёмного дерева. Из неё вился сизый дым, пахнувший сушёными травами, пеплом и чем-то горько-сладким. От запаха у Кнафа защипало в носу, а в висках застучало.

— Простите... я... — пролепетал он, пытаясь собраться с мыслями.

— Что? — Она фыркнула, выпуская дым через ноздри, словно рассерженный дракон. — Зрением слаб?

— Нет... — Кнаф беспомощно махнул рукой в сторону подвала. — Там... трещины...

— Трещины — это нервы мира, — отрезала она. — Всегда шалют перед изменением.

Она продолжила подниматься. Кнаф вжался в стену, чтобы не задеть её.

Но и шаг её, и дым, и тень — всё словно текло по пространству, будто она не шла, а просто появлялась в следующем месте.

В этот момент из зала выплыла Фария. Её походка была нарочито небрежной — как у кошки, которая знает, что за ней наблюдают.

— Джай! — воскликнула она, театрально всплеснув руками. — Я как раз спешила вам на помощь!

— Видно, не очень спешила, — холодно ответила Джай, не поворачиваясь, — раз ты ещё здесь. А внизу я уже всё порешала.

Она медленно обернулась. Тяжёлый взгляд лёг на ученицу.

— Тьма внизу смиренная. Я её по носу щёлкнула — вот она и поджала хвост. Год теперь не пикнет.

— Мне у вас учиться и учиться, — Фария лучезарно улыбнулась. — Вы такая мудрая. Я рада, что вы моя наставница.

— Наставница? — тихо повторил Кнаф.

И в тот же миг он почувствовал, как всё внимание Джай обратилось на него. Но она даже бровью не повела.

— Триндёж свой побереги для других, — процедила она, поднимая трубку к губам. — Мне он не интересен.

Она тяжело затынулась.

— Помнишь, о чём я тебя предупреждала?

— О посылке? — Фария надулась, как обиженный ребёнок. — Я же помню. Я обязательно поеду.

— Я знаю, — сказала Джай. — Завтра отправляешься.

— Как завтра? — Фария побледнела. На мгновение её привычная бравада исчезла, обнажив что-то хрупкое, почти человеческое.

— Я сказала: сразу после дня печати, когда замок снова будет закрыт, — Джай покачала головой. — Хватит играть.

Пройдя ещё несколько шагов, она вдруг остановилась и повернулась к Фарии:

— Ты обзавелась фамиллярром?

— Да! — радостно воскликнула та. — У меня есть!

— Покажи, — повелительно проскрипела Джай.

Фария задумчиво почесала нос, а потом указала на Кнафа, застывшего у входа в подвал:

— Вот он. Мой фамилляр.

Джай презрительно посмотрела на юношу.

— Фамилляр, — сказала она, растягивая слова, — должен быть безмозглым зверьком, сознание которого ты будешь развивать, обучая командам и прочим хитростям.

Она указала трубкой на Кнафа:

— А этот... У него есть свой мозг. Своё сознание. Как он вообще согласился стать твоим фамиллярром?

— Взамен на сохранённую печать, — спокойно ответила Фария. — Печать в целости. Я выполнила условия.

— Да ты! Ты меня обманула! — выкрикнул Кнаф, сжимая кулаки.

— Возможно, — неожиданно сказала Джай, — у него как раз подходящий уровень интеллекта для фамилляра.

В её голосе прозвучала неожиданная мягкость.

Но тут же она добавила — то ли с сожалением о выборе ученицы, то ли о судьбе юноши:

— Только обучению он будет сопротивляться.

— Я всё продумала! — восторженно воскликнула Фария.

Она шагнула к Кнафу, указала пальцем на пол и скомандовала:

— Лежать.

— Что?! — опешил он. — Я тебе не собака! Иди ты...

Фария подняла руку перед собой — медленно, театрально.

Её пальцы, тонкие и гибкие, начали медленно сгибаться, один за другим, сжимаясь в кулак.

И в этот момент Кнаф почувствовал, как что-то внутри него сжимается. Он хотел повернуться и уйти. Должен был уйти.

Но стоило её мизинцу коснуться ладони, как между лопатками вспыхнуло лёгкое, едва уловимое жжение.

Как будто к спине приложили раскалённую монету. Он стиснул зубы, стараясь не дрогнуть.

Но Фария продолжала сжимать кулак.

Безымянный палец прижался к ладони — и жжение усилилось, превратившись в тысячи крошечных иголок, впивающихся в кожу.

Средний палец — и иголки стали раскалёнными. Они уже не кололи, а прожигали плоть, словно горячие булавки.

Указательный — и по спине будто провели полосой жидкого огня, растекающегося под кожей.

А когда большой палец лёг поверх остальных и кулак сжался окончательно, жжение в спине Кнафа взорвалось ослепительной вспышкой в сознании.

Ему показалось, что кожа не просто горит — она плавится, стекает вниз, обнажая мышцы, сухожилия, саму кость. Кнаф захрипел, пытаясь удержаться на ногах. Пот заливал глаза. В висках стучала кровь. Перед глазами плясали чёрные пятна, перемежаясь с алыми вспышками. Он хотел закричать, но голос застрял в горле, превратившись в сдавленный стон. Боль достигла такой силы, что спина казалась единым факелом, пылающим изнутри.

Он не выдержал и рухнул на пол. Тут же начал кататься, извиваясь, как рыба на берегу, пытаясь сбить пламя, которого не было.

— А-а-а! — наконец вырвалось из его груди.

Крик, лишённый смысла и полный боли, прокатился эхом по залу.

— Хватит! Хватит!

Фария на мгновение замерла. Её кулак дрогнул. А затем — резко, одним движением — она разжала пальцы.

Тишина обрушилась на Кнафа, как ледяная вода.

Боль не исчезла. Но изменилась — из жгучей, разрывающей она превратилась в тупую, пульсирующую, будто под кожей застряли раскалённые иглы, медленно впивающиеся в мышцы. Он замер, тяжело дыша, чувствуя, как холодный камень под ним впитывает его жар.

Фария опустила руку и слегка наклонилась к нему. Её глаза светились странным, почти безумным восторгом.

— Видишь? — прошептала она. — Он обучается.

Кнаф поднял на неё затуманенный взгляд. В нём смешивались боль, страх... и что-то ещё — едва уловимое понимание того, что с этого момента ничего не будет как прежде.

— Что... ты сделала? — прохрипел он, с трудом выговаривая слова.

— Что ж, — одобрительно произнесла Джай, глядя на демонстрацию своей ученицы, — собирайся в дорогу.

— Я уверена, это будет интересная поездка, — ответила Фария. На её лице расцвела широкая, безумная улыбка.

— И запомни, — добавила Джай, выпуская кольцо дыма, зависшее в воздухе, — самая большая опасность кроется ближе всего.

— Я с тобой не поеду, — простонал Кнаф.

Фария закатила глаза.

— Может, поспорим? — Она с той же небрежностью, что и раньше, подняла руку и начала сжимать пальцы.

Кнаф подскочил на ноги. Спина всё ещё пылала. Он был готов сделать что угодно, лишь бы не повторить эти ощущения.

Фария хихикнула.

— А теперь — оба прочь с глаз моих, — сказала Джай, снова поднося трубку к губам. — Мне нужно подумать.

Дым, поднимаясь вверх, словно уносил с собой все тревоги этого дня.

Фария гордо направилась к выходу. Кнаф выронил из рук магический кол. Он поплёлся за ней, стараясь идти так, чтобы ткань рубахи как можно меньше касалась спины.

Глава 4

Солнце в землях, куда завела их дорога, не светило — оно нападало. Било по глазам, плечам, латам, заставляя металл раскаляться настолько, что одно прикосновение оставляло на коже белёсый след.

Степь вокруг была не просто пустой. Она была выпотрошена. Трава давно превратилась в ломкие серые нити, хрустящие под копытами. Земля потрескалась, и эти трещины напоминали сеть старых шрамов, пересекающих тело мира. В воздухе висел запах сухой глины, пепла и чего-то давно сгоревшего — будто сама земля не могла забыть, что здесь когда-то горел лес, кричали птицы, текла вода.

Кнаф ехал, ссутулившись в седле. Даже это движение давалось с трудом. Его доспехи, которые раньше казались надёжной бронёй, теперь превратились в медленную пытку. Пот стекал по спине, смешивался с пылью, образуя грязную корку. Но стоило пошевелиться — металл тёрся о ткань, ткань — о кожу, а под ней просыпалась боль, оставленная магией Фарии.

Не просто жжение. Ощущение, будто по спине до сих пор ползают чужие пламенные пальцы.

— Эта жара... Мы здесь умрём, — пробормотал он, вытирая рукавом лоб. Бесполезно: пот выступал снова и тут же испарялся. — В этих доспехах я как в печи. А спина... будто по ней до сих пор кто-то водит раскалённым железом.

Фария, ехавшая рядом на своей тощей, но удивительно выносливой лошадке, вдруг резко выпрямилась в седле. Раскинула руки в стороны — словно хотела обнять эту выжженную пустоту.

— О-о-о, Кнаф! — воскликнула она, запрокидывая голову и подставляя лицо палящим лучам. — Ты такой... земной. Смотри, это же идеально! Ни деревьев, чтобы прятаться. Ни облаков, чтобы портить вид. Ни людей, чтобы задавать глупые вопросы. Только мы. Солнце. И бесконечность. Разве это не прекрасно?

— Прекрасно? — Кнаф фыркнул, поправляя наплечник, сползший на бок. — Это ад. Чистый, сухой ад.

— Ад — это когда скучно, — парировала Фария, наклоняясь к нему с заговорщицким видом. — А здесь столько возможностей! Можно играть в «кто дольше продержится без воды». Можно гадать, в какую из этих трещин ты упадёшь от обезвоживания... Или, о... — её глаза вспыхнули. — Давай я тебя ещё немного подбодрю своим прикосновением? Ощущения на спине будут... незабываемыми!

— Даже не думай! — Кнаф инстинктивно дёрнулся и тут же застонал: доспехи впились в плечи, боль вспыхнула под лопатками, как раскалённые спицы.

— Ты сам виноват, — сказала Фария, покачав головой. — Ты всё пытаешься спрятаться в железе. А ведь твои доспехи не подходят для этого пути.

Она помахала рукой, словно приглашая его сбросить броню.

— Сними. Освободись.

— Я — рыцарь печати, — упрямо ответил Кнаф. — Я должен ходить в доспехах.

— И где же твоя печать, рыцарь? — Фария усмехнулась. — Её здесь нет. Да и не рыцарь ты уже...

Она улыбнулась — ласково, почти нежно.

— Ты мой фамилляр.

Кнаф резко натянул поводья и остановился. Фария даже не обернулась. Продолжила путь, вглядываясь в горизонт, где воздух дрожал и расплывался, создавая иллюзию далёкого озера.

— Смотри! — Она ткнула пальцем в марево. — Вода! Целый океан!

— Это мираж, — устало буркнул Кнаф, сползая с седла. Он старался не опираться на спину. — Тут нет воды. Тут вообще ничего нет.

— А вдруг есть? — Фария прыгнула с лошади, не дожидаясь остановки. Приземлилась в пыль с лёгким хлопком. — Вдруг этот мираж — не обман, а приглашение? Вдруг там, за этой дымкой, нас ждёт оазис, полный говорящих хорьков и танцующих змей?

— Нас ждёт обезвоживание, — проворчал Кнаф. — И смерть от жары.

Фария не слушала. Она кружилась на месте, раскинув руки. Накидка развевалась, поднимая облака пыли, которая оседала на одежде, делая её похожей на живую статую из песка.

— Чувствуешь? — крикнула она, вдруг останавливаясь и глядя на Кнафа с безумным восторгом. — Тишина. Абсолютная. Звонящая тишина. В ней можно услышать, как спит мир.

— В ней можно услышать, как я умираю от жажды, — пробормотал Кнаф, опускаясь на землю в жалкую тень от собственного коня. — И если ты сейчас не прекратишь свои танцы, я тебя сам в этот песок закопаю. До шеи. Пусть солнце доделает остальное.

Фария замерла. Наклонила голову, изучая его, как редкого жука. А потом вдруг рассмеялась. Звонко. Раскатисто. Так, что даже степь, казалось, вздрогнула от неожиданности.

— Ты такой серьёзный, Кнаф, — сказала она, подходя ближе и усаживаясь рядом. — Как будто мир обязан быть удобным. А он не обязан. Он просто есть. И мы в нём тоже не всегда удобны для мира. Мы просто есть.

Кнаф посмотрел на неё. На сияющие глаза. На эту нелепую, безумную улыбку. И на мгновение — совсем короткое — ему стало чуть легче. Не от тени. Не от ветра. А от того, что рядом был кто-то, кто видел красоту даже в этом выжженном аду. Кто не прятался. Кто жил, даже когда всё вокруг умирало.

— Восхитительно, — произнёс он. Но в голосе уже не было прежнего раздражения. Только усталость. И, может быть, капля смирения. — Но если через час мы не найдём воду...

— Это будет значить, что воду мы не нашли, — перебила Фария, хлопнув его по колену. Но тут же отдернула руку — металл был обжигающе горячим.

— Не разбрасывайся попусту словами, — добавила она. — И сними уже наконец эти железяки. Разве в них удобно двигаться? Можешь ли ты быть в них быстрым, как кошка?

— Они меня защищают, — возразил Кнаф, не глядя на неё.

— От солнца? — Фария расхохоталась.

Кнаф только покачал головой, прикрывая глаза ладонью от солнца. Степь продолжала дышать жаром. Трещины на земле казались всё глубже, а марево на горизонте — всё обманчивее. Но где-то внутри, сквозь боль, жажду и усталость, он вдруг почувствовал странное, почти забытое предвкушение облегчения. Он понимал: Фария права.

Кнаф встал и медленно, тяжело дыша, с почти болезненной осторожностью начал снимать доспехи.

Сначала наплечники — они упали в пыль с глухим тяжёлым стуком, будто сами устали давить на плечи.

Затем нагрудник. Он приподнял его, и жар, скопившийся под металлом, вырвался наружу. Кнаф на мгновение замер, закрыв глаза и чувствуя, как сухой, колючий ветер касается разгорячённой кожи, будто впервые за долгое время касается его по-настоящему.

— Наконец-то, — выдохнул он, сбрасывая последний элемент брони — поножи.

Они звякнули, ударившись друг о друга, и остались лежать в пыли, словно останки какого-то железного зверя.

Кнаф провёл рукой по рубашке, прилипшей к телу, и впервые за долгое время почувствовал, что может дышать полной грудью.

— Хоть спина немного отдохнёт.

Фария, наблюдавшая за этим с видом восторженного зрителя, хлопнула в ладоши.

— Освобождение! — провозгласила она, взмахнув рукой, будто объявляла начало праздника. — Ты сбросил оковы прошлой жизни, Кнаф. Теперь ты почти свободен.

— Я просто не хочу свариться заживо, — буркнул Кнаф, потирая плечи. — И я всё ещё не уверен, что идти прямо на мираж — хорошая идея.

— А я уверена, — Фария ткнула пальцем в дрожащее марево на горизонте, которое теперь казалось не обещанием воды, а зыбкой границей между здравым смыслом и безумием. — Я чувствую это здесь.

Она постучала себя по груди, а затем по виску.

— И здесь. Нам туда. Именно туда.

— Ты чувствуешь... или тебе просто хочется посмотреть, что будет, когда мираж исчезнет? — Кнаф с сомнением посмотрел на неё, но уже знал, что спорить бесполезно.

— И это тоже, — рассмеялась Фария. Её смех прозвучал в тишине степи почти вызывающе. — Но главное — я чувствую зов. Тихий, но настойчивый. Он говорит: «Иди сюда».

Эту фразу ведьма произнесла мистически наигранным голосом, а затем улыбнулась.

— И я ему верю.

Они сели на лошадей и ехали ещё долго. Воздух перед ними постепенно дрожал всё слабее, пока наконец и вовсе не перестал притворяться, что скрывает воду. Мираж растаял, обнажив реальность, которая оказалась куда мрачнее любой иллюзии.

Глава 5

Перед ними раскинулась небольшая низина, словно выжженная изнутри. Иссохшие деревья, невысокие и скрюченные, тянули к небу голые ветви, похожие на когтистые пальцы, застывшие в вечном крике.

Между деревьями торчали колья — грубо обтёсанные, потемневшие от времени. На некоторых висели человеческие черепа. Солнце выбелило кости до матовой белизны, а пустые глазницы смотрели в разные стороны, будто каждый мёртвый до сих пор пытался найти того, кто его сюда привёл.

Под кольями валялись рёбра, позвонки и длинные кости рук и ног. Где-то в пыли почти целиком сохранился человеческий скелет, скорчившийся на боку. Ветер шевелил обрывки одежды между костями, словно пытался напомнить, что когда-то всё это было живым человеком.

На других кольях висели останки животных — черепа с длинными челюстями, выцветшие шкуры, обглоданные кости.

Запах тлена стоял в воздухе — тяжёлый, сладковатый, въедливый, перебивая даже запах сухой земли.

Кнаф замер. По спине, даже без доспехов, пробежал холодок, не имевший ничего общего с прохладой.

— Мы должны обойти это место, — прошептал он. — Здесь... здесь что-то плохое.

— Здесь — важное, — возразила Фария. Её глаза горели не страхом, а азартом. — Плохое и важное часто живут в одном доме. Нам туда.

— Но кости... — Кнаф сглотнул, глядя на один из кольев, где на ржавом крюке висел обрывок ткани, когда-то бывший частью плаща.

— Кости — это просто старые истории, — пожала плечами Фария. — Они не кусаются. По крайней мере, эти.

Она повела лошадь вперёд, прямо в гущу мрачного пейзажа. Кнафу ничего не оставалось, кроме как последовать за ней, стараясь не смотреть на то, что висело на кольях и лежало в пыли.

Чем дальше они ехали, тем сильнее менялся пейзаж. Скрюченные деревья остались позади, а впереди, в небольшой ложбине, открылся вид, который казался почти невозможным после бескрайней сухости степи.

Неподалёку от небольшого водоёма с тёмной неподвижной водой стояли несколько степных жилищ. Круглые, низкие, с конусообразными крышами, они казались почти игрушечными среди этой мёртвой земли. Стены из войлока, потемневшего от времени и пропитавшегося запахами дыма и трав, натягивались на деревянные каркасы, скреплённые кожаными ремнями. Всё выглядело просто, но удивительно прочно.

А вокруг была зелень.

Невысокая трава. Пучки диких цветов. Кусты с мелкими листьями, тихо шелестевшие на ветру.

После выжженной степи это место казалось почти невозможным — словно кто-то вырезал кусок другого мира и спрятал его здесь.

Кнаф остановился на границе между мёртвой землёй и этим островком жизни, не решая ступить дальше.

— Здесь кто-то живёт, — прошептал он, глядя на жилище, из-под крыши которого поднимался тонкий дымок.

— Значит, будет с кем поговорить, — бодро сказала Фария, уже направляясь к нему.

— Они явно не любят гостей, — Кнаф всё ещё медлил, оглядываясь на колья, которые теперь казались далёкими, но от этого не менее зловещими.

— В этом ты прав, — подмигнула Фария. — И всё же нам именно сюда.

Она подошла к жилищу, из-под крыши которого поднимался лёгкий дымок, и, не дожидаясь приглашения, откинула войлочную завесу.

Внутри было не просто жарко — воздух оказался густым и тяжёлым, пропитанным паром и запахом распаренного дерева. Темнота стояла такая, что первые мгновения Фария ничего не видела. Постепенно глаза начали различать смутные очертания: низкий потолок, лежанки вдоль стен, тусклое мерцание углей в каменке.

И посреди этого пекла, в самом сердце жара, на одной из лежанок сидел человек.

Он был обнажён, и в полумраке его тело казалось бесформенной тенью, а глаза — двумя холодными мерцающими точками, которые то вспыхивали, то гасли.

— Кто ты, чтобы без стука заходить в мою баню? — голос человека прозвучал негромко, но в этой влажной тишине раздался отчётливо, словно удар по воде.

— Я от Джай, — Фария фыркнула, вдыхая горячий воздух, от которого першило в горле. — Это издевательство. На улице солнце плавит камни, а тут... тут можно свариться заживо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.